

«Психоаналитик — это «место»

— **Расскажите, когда образовалось Ярославское региональное отделение и как это происходило.**

— Начнем с того, что факультет психологии в Ярославле появился одним из первых в стране. В СССР было всего три ВУЗа, где готовили психологов: Москва, Ленинград и Ярославль, и у каждого была своя специфика. Факультет психологии МГУ занимался фундаментальными исследованиями, в ЛГУ пошли в сторону «психометрии» — все измерить и посчитать корреляции. Ярославль, лавируя между Москвой и Ленинградом (это особенность Ярославля), развивал практико-ориентированный подход — из Ярославля всегда выходили хорошие психологи-практики. Студенты съезжались со всей страны.

Когда открывался факультет, многие преподаватели пришли из физики, то есть это были люди, занимающиеся точными науками и экспериментами, с соответствующим мышлением. Хорошо работала кафедра инженерной психологии, качественно преподавалась психодиагностика, экспериментальная психология, были лаборатории, исследования и так далее. Это одна линия, она и сейчас остается. И применительно к факультету психологии Демидовского университета, это, скорее, было противопоказанием к развитию психоанализа. Поясню. В некоторых городах психоанализ развивается при кафедрах университетов, когда сам заведующий кафедрой и преподаватели интересуются психоанализом и его продвигают. А в Ярославле такого нет. И на нашем факультете психологии психоанализ как таковой никогда никем не поддерживался и не приветствовался. В какой-то степени так остается и сейчас.

При этом интерес к психоанализу у меня лично возник именно во время обучения в ЯрГУ. Один наш преподаватель, Павел Николаевич Иванов, сейчас он живет и работает практикующим психологом в Канаде, любил психоанализ и когнитивный подход, читал иностранную литературу, в том числе Ральфа

Метельская Юлия Сергеевна

- психолог, психоаналитик
- сертифицированный специалист и тренинг-аналитик ЕАРПП (Россия, РО-Ярославль) и ЕСРРР (Vienna, Austria)
- член Правления ЕАРПП
- председатель РО-Ярославль (ЕАРПП)

Гринсона, учился (повышал квалификацию) в институте имени В. М. Бехтерева, а «Бехтеревка» всегда была оплотом психодинамического подхода. Ему очень нравилось психоаналитическое направление, и в своих лекциях по консультированию он явно или неявно обозначал, что самая глубокая и интересная работа с клиентом ведется именно в психоанализе. Он отсылал нас к книге Р. Урсано и С. Зонненберга «Психодинамическая психотерапия», к работам З. Фрейда. Считалось хорошим тоном интересоваться психоанализом. Я думаю,

есть люди, у которых мозги «заточены» под психоаналитическое понимание, и Павел Николаевич как раз такой человек, он транслировал уважение к этому подходу. Не помню точно, но скорее всего, от него, я и узнала, что в Санкт-Петербурге открылся новый институт — Восточно-Европейский Институт Психоанализа (ВЕИП).

Сразу после окончания университета я поехала туда учиться, и со мной вместе поехали еще несколько человек, которые после начали практиковать психоанализ. Работали мы все в психолого-педагогическом центре со сложными детьми и их родителями. На этой базе закрепилась команда специалистов, которая практикует психоаналитический подход. Тот коллектив и стал ядром сообщества. У нас была достаточно сильная команда.

Про учебу в ВЕИПе: я училась в одном из первых наборов слушателей. Тогда все было внове, все были в равном положении. Иностранцы специалисты стали приезжать не сразу, и мы получили возможность обучаться психоанализу у них намного позже. То есть в девяностые годы подготовленных по западным стандартам специалистов там попросту не было. Потом мои сокурсники по ВЕИПу стали преподавать в этом ВУЗе (ВЕИПе). Мы, выпускники факультета психологии, выглядели неплохо благодаря качественному базовому образованию.

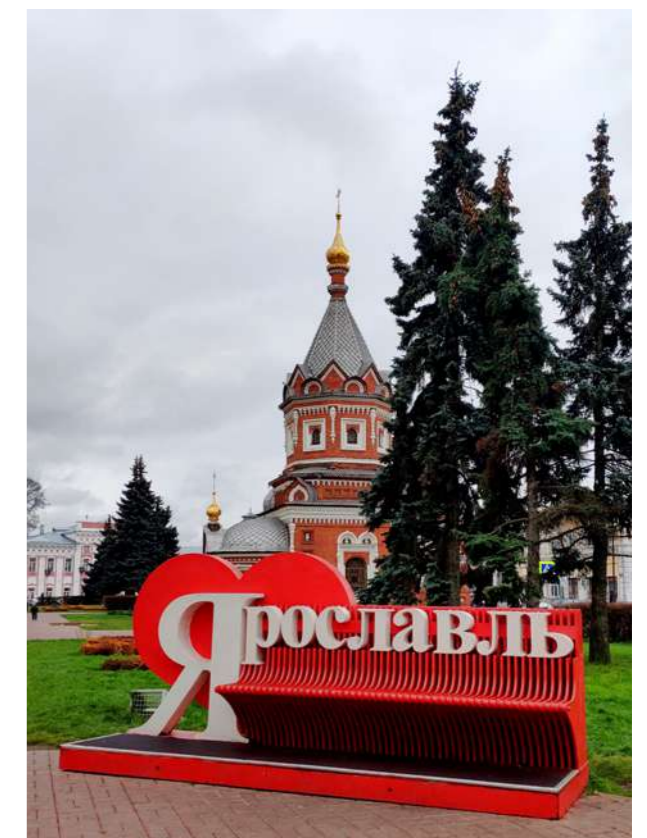
В 2000 году Летняя школа ЕКПП проходила в Ярославле по инициативе ВЕИП, так как была идея проводить Летние школы в регионах, чтобы психоаналитики из крупных городов получили представление том, что происходит в глубинке.

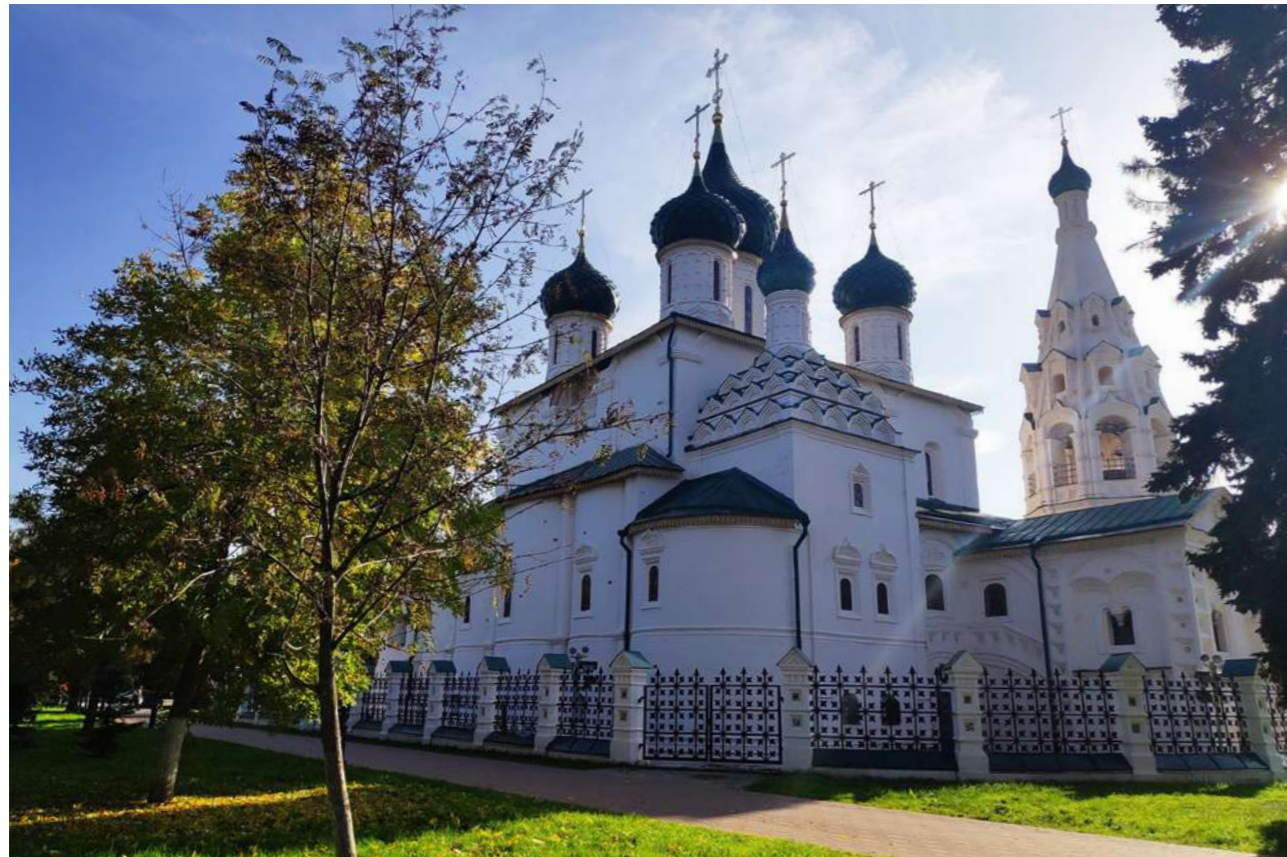
Светлана Викторовна Волкова и Людмила Александровна Коновалова из Ярославля представили опыт групповой работы с трудными подростками, исходя из психоаналитической позиции. Групповой анализ еще не был распространен так, как сейчас, а коллеги уже тогда вели серьезную работу с трудными подростками в группах и индивидуально.

Сейчас у нас сейчас есть психоаналитический центр «Инсайт», где работают детские психоаналитики. Психоаналитиков у нас немного, но они всегда востребованы, к ним всегда большой поток клиентов. По моему мнению, если со взрослыми, кроме психоанализа, хорошо работают и другие направ-

ления — экзистенциальная психотерапия, гештальт-терапия, КБТ, то с детьми хорошо работает только психоанализ. Особенно с маленькими детьми — психоаналитическую игровую терапию, психоаналитическую работу с родителями просто нечем заменить. В терапии детей у психоанализа конкурентов нет. Психоанализ полностью, активно, продуктивно и плодотворно освоил территорию детства и детско-родительских отношений.

Дальше было трудно, в любом сообществе возникают внутренние проблемы. Эти трудности пересекаются у меня и с личной историей — в 2000 году у меня родился ребенок и, по разным причинам, я потеряла отношения и перестала сотрудничать с психоаналитическими сообществами. Очень сложно разделить личную историю и историю нашего сообщества. Да, группа коллег оставалась в центре, в котором я работала, но у меня в тот период не было внешних связей ни с Москвой, ни с Санкт-Петербургом. При этом я продолжала идентифицировать себя как психоаналитически ориентированного специалиста. Я читала все книги, которые выходили по психоанализу, но не общалась с коллегами

фактически 12 лет, не ездила ни на какие мероприятия. У меня был период лиминальной¹ фазы, когда я была изолирована от сообщества. Я развивалась сама. Поскольку в 90-е годы я преподавала в нашем Ярославском университете и читала несколько курсов, в том числе «Основы психоанализа» и «Психоанализ социальных процессов», то выпустилось несколько моих студентов, которые заинтересовались психоанализом. Одна из них, Ксения Павлюк, закончила ВЕИП, переехала в Европу и организовала в Белграде с командой специалистов сообщество «Другой путь».

— В эти 12 лет в сообществе проходили регулярные встречи, семинары?

— Конечно, специалисты проводили работу: встречались, проводили семинары, читали

книги. Внешние отношения были: Людмила Коновалова, Римма Джузенова выезжали на семинары, у кого-то продолжался личный анализ, но формально организованного сообщества в этот период не было.

В это же время в поле психоанализа происходили различные перемены: НФП менялось на ЕКПП и прочее. Ксения Павлюк закончила ВЕИП, уехала в Москву, вернулась в Ярославль, нашла меня и предложила создать отделение ЕКПП.

В 2012 году мы организовали региональное отделение. Таким образом, мы влились в ЕКПП, стали посещать Летние школы, семинары, обучаться, привлекли к сотрудничеству супервизора — Андрея Ивановича Куликова, который провел цикл обучающих семинаров. Вокруг нас стали объединяться люди и началась организованная работа.

Мы начали проводить семинары с приглашенными специалистами из Санкт-Петербурга, из Москвы. Приезжали Татьяна Владимировна Мизинова, Александр Георгиевич Попов, Владимир Александрович Медведев и другие.

¹ Лиминальность — физиологический, неврологический или метафизический термин, обозначающий «пороговое» или переходное состояние между двумя стадиями развития человека или сообщества. (Прим.ред.)

Я старалась приглашать специалистов из разных направлений психоанализа: Олег Владимирович Аксиненко рассказывал о клянианском подходе, Дмитрий Александрович Ольшанский о лаканианском, Елена Валериевна Змановская о психодинамическом подходе в парной терапии. Задача была показать весь спектр подходов, теорий, направлений, в которых можно развиваться, чтобы люди нашли «свое». Я считаю, что при знакомстве с психоанализом важно услышать какую-то свою близкую концепцию. Если человек слышит «не своё», это может вызвать отторжение, неприятие — психоаналитические теории иногда травмируют своей идеей детерминизма, тотального влияния бессознательного, инфантильных переживаний. Люди хотят верить, что они свободны и могут в любой момент изменить свою жизнь, свою судьбу.

Наше сообщество начало активно развиваться, сначала Ксения Павлюк открыла центр, в котором принимали наши специалисты. Потом мы с другой моей коллегой Натальей Емельяновой стали соучредителями центра «Инсайт». Таким образом, мы «встали на рельсы» более формально организованной жизни сообщества: обучение, семинары, сертификация, получение статусов. Фактически, начала формироваться некоторая структура.

— Получается, формирование общественной структуры шло параллельно с организацией стабильной клинической практики?

— Практики у всех наших специалистов было много всегда. Например, моя практика идет с 1993 года и не прекращалась никогда, как и у моих коллег. Просто появилось пространство, где смогли вести прием пациентов на одной территории.

Возможно, когда люди объединяются в какое-то сообщество, возникает идея организации совместного пространства для ведения практики.

Я исходила немного из других соображений: предоставить людям информацию, в рамках нашего центра они смогут получить качественную психоаналитическую помощь. Хотя, есть специалисты, существующие отдельно, они никак не объединяются, предпочитают иметь частные кабинеты и сами занимаются рекламой. Думаю, что в русской

ментальности, и не только в русской, больше доверия к формальным организациям. Когда люди слышат про какой-то центр, это вызывает изначально большее доверие. Структура сама по себе говорит о встроенности в социальный порядок, а большинство людей социальный порядок склонны поддерживать.

— Я думаю, что структура и социальный порядок нас упорядочивают. Это очень важно в плане профессиональной идентичности: кто я есть, кем я себя ощущаю, как я себя позиционирую.

— Я бы сформулировала это так: важно иметь свой дом, в том числе и для социальной структуры. В крупных городах это если не центр, то психологический институт, при котором есть свой центр. В любом случае, какой-то дом у всего должен быть.

Если говорить о том, что у нас происходит сейчас, то сейчас у нас продолжается семинарская деятельность, привлечение людей в психоанализ.

С одной стороны, это хорошо, когда люди понимают, что психоанализ — это серьезно, требуется теоретическая подготовка, личный анализ, супервизии. С другой стороны, такое серьезное отношение и понимание трудоемкости, длительности процесса может отпугивать людей. Надо вкладываться временем, финансами, силами; серьезная теоретическая база тоже не всегда проста для понимания. Но, когда люди приходят на семинары по конкретным темам, они понимают, что дорогу осилит идущий! Можно присоединиться к сообществу, поехать учиться или обучаться дистанционно, пойти в личный анализ. То есть прорисовывается некая картина, как и какими путями можно развивать свой профессионализм.

— Путь становится понятным. Человек думает иногда: «быть психоаналитиком, это так сложно, так долго учиться — я точно не смогу. Где я, и где психоанализ». А здесь становятся ясными и понятными этапы развития.

— Важно иметь профессиональное сообщество, где все общаются и взаимодействуют. У нас продолжается традиция приглашать специалистов из других регионов. В 2016 году Александр Георгиевич Попов

провел обучающий цикл «Основы и техника психоанализа». Александр Георгиевич хорошо дает теоретическую базу на таком уровне, чтобы человек, имеющий интерес к психоанализу, начал на нее опираться. Сейчас он начал читать второй цикл. Для меня он привлекателен тем, что начинается с истории психоанализа, с основы, с самых базовых вещей и, тем не менее, материал не дается упрощенно. Александр Георгиевич, в силу своей качественной теоретической подготовленности, дает сложные вещи, соотносит разные теории: З. Фрейда, У. Биона, Ж. Лакана и др. понятным для слушателей образом. Мне, с моим академическим психологическим образованием, нравится такой хороший теоретический уровень, с примерами, с иллюстрациями.

Сейчас мы проводим и внутренние семинары по отдельным темам. С 2016 г. у нас работает группа по толкованию сновидений, которая называется «Королевская дорога к бессознательному». Начали мы с подробного разбора «Толкования сновидений» З. Фрейда. Сейчас группа занимается толкованием сновидений своих и клиентских (с согласия клиентов). Символическое толкование сновидений требует хорошей подготовки в культурно-антропологических темах. Я взяла на себя риск и сформировала список литературы для чтения, предварительно изучив, кто занимался мифами, символикой и ритуалами. Мы с коллегами распределили этот список между собой, и каждая встреча по толкованию сновидений у нас начинается с разбора книги, или главы из книги.

— Прекрасная идея!

— Мы серьезно работаем, мы зашли на поле исследования мифологии, на поле культурной антропологии, социальной антропологии, психолингвистики. Эти области знаний занимают, в том числе исследование мифов, символов, ритуалов. А сон во многом соткан из символики. З. Фрейд указывал, что использование символов — один из механизмов формирования ткани сновидений.

У дизайнеров, например, существует такое понятие, как «насмотренность». У психоаналитика тоже должно быть «насмотрены» мифы, истории, сказки, чтобы он видел образы, понимал, как они реализованы в разных

культурах. И, когда психоаналитик начинает читать такую литературу, у него формируется навык видения, понимания, считывания символики, понимания её многослойности, многозначности, то, что юнгианцы называют амплификацией. Сновидение видится по-другому, когда много смыслов вокруг одного и того же символа, когда идет мощное расширение смыслового контекста.

Здесь я новичок, я иду вместе с группой, осваиваю, читаю литературу. Этот интерес определил тему нашей второй конференции — тему лиминальности, которая рассматривается в социальной антропологии. Хотя и первая конференция у нас была с культурологическим подтекстом. Мы разбирали качества и свойства лиминальности и поняли, что психоанализ по своей сути лиминален. На конференции, в своем докладе великолепный социальный аналитик Андрей Андреевич Игнатъев сформулировал, что «психоанализ — это способ сделать ситуацию транзита (переноса) штатной». По его мнению, психоанализ — это новый ритуал.

— Очень интересно. Получается, такой культурологический подход позволяет расширить клинический взгляд?

— Да! И мне это очень близко потому, что я заканчивала кафедру социально-политической психологии в университете, а в ВЕИПе в период моего обучения Владимир Александрович Медведев преподавал прикладной психоанализ. Во многом мой интерес сформировался под его влиянием. Мы продолжаем сотрудничество с В. А. Медведевым, он принимал участие в обеих наших конференциях. Да, это не клинический подход. Но здесь я присоединяюсь к мнению Владимира Александровича, что психоанализ — это не раздел клинической психологии, психиатрии и медицины. Психоанализ — это мировоззрение, способ анализа любой человеческой действительности. Везде, где есть человек, там есть место психоанализу.

По аналогии с оптикой, можно говорить об оптике психоанализа. Это значит, что когда мы смотрим через психоаналитическую оптику, мы видим такие детали и аспекты, которые обычным взглядом не рассмотреть. Мы видим дальше, детальней, объемней, более выпуклым, видим связи, которые до этого были не видны. Я считаю, что задача психоанали-

тика, цель профессионала — это формирование у себя такой психоаналитической оптики.

— Интересно, откуда взялось столь оригинальное название конференции «Что сказал бы Фрейд?».

— Идею названия придумала и предложила Татьяна Владимировна Мизинова. Думаю, это название достаточно универсальное и в дальнейшем останется нашей «фишкой», брендом. Вообще, роль Татьяны Владимировны в организации наших конференций велика. Именно она подтолкнула нас к созданию собственной конференции. Она знала наших участников, знала наш уровень и потенциал и посчитала, что мы организационно и содержательно «потянем».

— Вообще, Татьяна Владимировна универсальный «двигатель», она умеет запускать подобные процессы. Ее влияние срабатывает как катализатор.

— Нам важно, когда руководитель подталкивает сделать первый шаг, поддерживает. Выполняет функцию родительской поддержки.

— Задам еще вопрос по работе со сновидениями. Ваша группа работает постоянно? Она закрытая или вы открыты для новых участников?

— Группа закрытая, поскольку люди приносят свои сны и затрагивается очень личный материал. Мы держим формат не терапевтической группы, она постоянно действует с регулярностью два раза в месяц. В группе только коллеги, в том числе ведущие свою практику. По отзывам участников, работа в группе помогает сформировать психоаналитическую оптику. Люди начинают по-другому слышать то, что говорит клиент во время сессии. Образно выражаясь, ухо аналитика «затачивается» на вычленение определенных тем, понимание текста пациента, нахождение других смыслов.

— Что еще у вас есть интересного?

— Есть детская интервизионная группа. Регулярно собираются люди, практики, которые работают с детьми для обсуждения случаев.

У нас появляются новые члены сообщества, и, что меня радует — активные! Они хорошо развиваются, сами обучаются, проходят анализ, супервизию.

— Как они вас находят?

— Я веду в Ярославском университете курс, отсюда приходят в сообщество студенты и выпускники. Также это коллеги, которые, развиваясь в другом направлении, в какой-то момент понимают, что им нужны еще знания для решения вопросов, которые не решаются в рамках других модальностей. И вообще, сейчас некий такой тренд, который я наблюдаю — мощный дрейф разных модальностей в сторону психодинамического направления. Недавно мы обсуждали в фейсбуке с автором психо-комиксов Денисом Дмитриевым причины успешности первой волны когнитивно-бихевиоральных терапевтов. Вероятно, секрет их успеха в базовой психоаналитической подготовке. И вторая волна специалистов, не имеющих психоаналитической подготовки, уже не показывала таких результатов. Третья волна — это возвращение к психоаналитическим истокам. Это версия Дениса, но мне она показалась правдоподобной. Многие коллеги из других модальностей, например, из гештальт-сообщества, интересуются, читают, посещают наши семинары.

— Один мой коллега сформулировал: «Психоанализ огромен, его очень сложно освоить весь. Можно взять из него одну идею, развить её, и получится целое направление».

— Психоанализ оказал влияние на всю культуру, в том числе на социальную и культурную антропологию, есть даже раздел «психоаналитическая антропология», когда используются психоаналитические интерпретации для объяснения явлений и процессов, происходящих в социальной и культурной жизни сообществ разного уровня организации.

Необходимо расширять свое видение, чтобы понимать, как другие не психоаналитические подходы, существующие в рамках других наук, видят и объясняют то или иное событие, и соотносить с психоаналитическим взглядом.

Например, Виктор Тэрнер вроде бы спорит с Зигмундом Фрейдом. Но, когда он анализирует появление цветовой символики, он дает абсолютно фрейдовскую психоаналитическую интерпретацию: первая цветовая символика связана с проявлениями человеческого тела. Белый цвет, красный, черный — как

Конференция «Что сказал бы Фрейд? Практика и техника психоанализа и психотерапии в современных условиях», октябрь 2019 г.

молоко, сперма, кровь, экскременты. И вся символика крутится вокруг жизненных проявлений человека, связанных с зачатием, деторождением, смертью, убийством, вокруг актов, связанных с максимальным эмоциональным, аффективным напряжением.

— **Как так случилось, что вы пришли именно в психологию и потом в психоанализ?**
— Интерес к психологии связан с моей личной историей. Мне важно было понять, почему что-то происходит в моей жизни, в моей семье. Здесь я не оригинальна, путь универсальный и довольно стандартный. А интерес к психоанализу возник во время учебы на факультете психологии, на лекциях Павла Николаевича Иванова. Мы подробно разбирали разные психологические направления, и я слышала несколько вариантов объяснения: одни сводили все к психофизиологии, другие к социальному (влияние коллектива, социума) и т.д. Но такие объяснения мне казались недостаточными. И, когда я слышала психоаналитические интерпретации, исходя из концепции бессознательного и влияния инфантильных ранних переживаний, мне они казались более убедительными, все вставало на свои места. Остальные объяснения мне казались поверхностными. Таким образом сформировались мои предпочтения.

— **Полагаю, есть ключевое отличие психоаналитического мышления и предпосылок к психоаналитическому мышлению. Есть**

люди, которые мыслят психоаналитически, даже, если они не учились (пока). Это вопрос «почему?», вопрос причинно-следственных связей, вопрос детерминизма. И есть люди, которые мыслят по-другому, они уходят в плоскость описания феноменологии, им не интересно идти вглубь. Это тоже важный подход, но с таким типом мышления психоаналитиком не стать.

— Отвечая на вопрос «почему?», психоанализ ищет ответы в личной истории индивида, конкретно в его раннем инфантильном опыте. Кроме индивидуального бессознательного есть еще коллективное бессознательное, некий универсальный опыт, который определяет психическую жизнь человека. Это более широкое понимание, выведение за рамки индивидуальной истории к истории всего человечества, потому что все человечество (или отдельные группы/сообщества) объединены некоторым универсальным опытом психической жизни.

Сам З. Фрейд писал о влиянии бессознательного не только в индивидуальной жизни. В массовых процессах мы наблюдаем коллективный регресс, где актуализируется содержание бессознательного. В культуре это содержание представлено в образно-мифологической форме. Когда масса регрессирует, эти мифы всплывают, актуализируются и начинают структурировать её активность. Важно видеть, понимать, знать эти мифы, которые начинают структурировать и направлять активность больших групп людей.

Например, информация о том, что Илон Маск готовит летательные аппараты для освоения Марса, где будет построено новое общество, которое будет жить по другим законам. Это красноречивый пример возрождения миллениаристского мифа: старый мир будет разрушен и человечество (не все, только некоторые избранные) построит Царство божие, но уже не на Земле. Некая группа людей совершит Исход, пройдет через пустыню-космос и организует справедливый мир. Это старая мифология, которая «облачается в новые одежды».

Что происходило с мифами во время пандемии? Андрей Андреевич Игнатъев в своем докладе на нашей конференции «Что сказал бы Фрейд? Эра лиминальности» говорил об актуализации темы «скверны», со всеми

элементами этой мифологии, которая абсолютно не рациональна. Можно много аналогий приводить, но, по сути дела, это массовые процессы, когда всплывает бессознательный материал и людей захватывает миф. Когда нарратив начинает определять, что будут делать люди на каждом этапе. То есть миф структурирует и направляет активность. Люди попадают в эту мифологию и все, их движение задано и результат, в общем-то, предсказуем.

Индивидуальная история — это история отношений с ранними значимыми объектами, которые затем повторяются во всех других отношениях. Истории, касающиеся больших групп людей, так же возобновляются, повторяются и представлены в социальных мифах. Знание этой мифологии приводит к пониманию дальнейшего пути. Таковы законы жанра.

— **Когда началась пандемия, у меня и у многих других было ощущение, что мы все попали в антиутопию и, то, что написано в книжках — вот оно и происходит прямо сейчас.**

— Как создается антиутопия. Берется определенная мифологическая фабула, которая имеет

разные детали, соотносимые с современным обществом. Если изучать ритуалы примитивных народов, то все эти элементы присутствуют. Ничто не ново под луной. В Тэрнер выделяет две фазы существования социума: структуру и антиструктуру («коммунитас»). Эти фазы можно наблюдать на разных этапах развития человечества, они повторяются, чередуются. Есть ограниченный набор позиций, сменяющих друг друга. Позиционный подход психоаналитикам знаком по теории М. Кляйн, где так же говорится, что нет этапов развития, но есть две позиции, сменяющие друг друга: шизоидно-параноидная и депрессивная.

— **Прогресса на самом деле нет?**

— Есть прогресс в научно-технических областях, но направленного развития истории с какой-то конечной фазой нет. То, что мы принимаем за конечную фазу — это одна из позиций.

— **Что, по вашему мнению, нас, как специалистов, может поддержать в эти нелегкие времена? На что мы можем опираться?**

— Как ни парадоксально, способность оставаться в лиминальной позиции и удерживать

Семинар Е.В. Змановской «Практика супружеского консультирования и парной терапии», март 2016 г.

эту лиминальность. Я вижу две противоречивые вещи. С одной стороны, работа аналитика требует огромной внутренней стабильности — наша жизнь структурирована ежедневным приемом пациентов. Когда приходит пациент, мы понимаем, что он пришел на 3–5 лет, будет ходить два-три раза в неделю долгий период времени. И я эти два-три часа в неделю должна быть в кабинете обязательно. Так построена вся жизнь психоаналитика. Требуется огромная стабильность на длительной дистанции, это, образно говоря, вечная жизнь «кормления грудью по расписанию». То, что в психоанализе обозначается как рамка, кадр, сеттинг. С другой стороны, требуется постоянная готовность психоаналитика находиться в состоянии неопределенности, неструктурированности. Как говорил на нашей конференции Ярослав Игоревич Коряков, пациент все время пытается «втянуть» аналитика в свою структуру привычных для него отношений. А аналитик все время «выскальзывает», и через это обнаруживается перенос, во многом благодаря способности психоаналитика не встраиваться ни в какую схему. Задача аналитика — не воспроизводить знакомую и понятную структуру социальных отношений, в которой живут люди вне аналитической ситуации. Аналитик вне структуры, это лиминальные отношения.

— Очень интересная тема про внутренний и внешний сеттинг. Про то, что такая жесткая стабильность и рамка нам нужна для того, чтобы внутри можно было себе позволить быть максимально чувствительным к неопределенности, к изменениям.

— Способность не встраиваться в структуру привычных социальных отношений. Лаканисты часто используют понятие «место». Психоаналитик — это «место»... Я сначала не понимала этого, пока на семинарах мы в суждениях не разобрались. Аналитику платят не за выполненную работу, не за то, чтобы он делал какие-то определенные вещи. Аналитику платят за то, чтобы он занял определенное место в психической жизни человека,

в его внутренней реальности, там находился и удерживался в этой позиции.

— Я для себя формулировала, что психоаналитику платят за время. То есть, у меня покупают не результат, а мое время. А вы говорите, по сути, это время необходимо для того, чтобы сформировалось место. Но есть же пациенты, у которых это место не может сформироваться? Я сейчас говорю об объектном и функциональном переносе.

— Все равно мы занимаем определенное место в их психической реальности, функция — это тоже место.

Еще хочется сказать вот о чем. К концу 2000 года я выпала из всех процессов в сообществе частично потому, что ощутила некоторую «нездоровость» процессов, происходивших в профессиональном сообществе в то время. И, когда я в 2012 году вернулась, фактически я попала в начало нового процесса, в начало «оздоровления» сообщества. Я рада тому, как все организовано сейчас, как существует сейчас сообщество.

Мне нравится то, что сейчас происходит в ЕАРПП, как развиваются регионы, как руководство относится к нам, как помогает, поддерживает.

— И мой последний вопрос. Расскажите о вашей профессиональной активности в соцсетях. У вас такая интересная страница в Фейсбуке!

— Да, у нашего РО есть своя группа в соцсетях (<https://www.facebook.com/groups/317353941797614>), в которой мы размещаем информацию о наших мероприятиях и мероприятиях других профессиональных сообществ, а также интересные статьи по психоанализу, информацию о новых изданиях. На большее, к сожалению, нет времени, так как, к счастью, много работы с клиентами.

— Спасибо за интересный и содержательный разговор! п

Беседовала Гридаева Галина Витальевна

Символика ритуала перехода в сновидениях

Метельская
Юлия Сергеевна

Исследование сновидческого материала имеет в психоанализе давнюю традицию. С 1896 г. Фрейд регулярно исследует собственные сновидения с целью лучше понять причины, инфантильные истоки своих симптомов. Такой самоанализ позволил в результате в 1899 г. появиться его фундаментальному труду «Толкование сновидений» (1895–1899) [5]. Понимание механизмов формирования сновидений позволило З. Фрейду прийти к пониманию механизмов функционирования психического аппарата в целом, заложить основы метапсихологии и обнаружить, что у бессознательного есть своя логика — логика свободных ассоциаций. Именно свободные ассоциации дают возможность подойти к скрытому, или латентному содержанию сновидения и выявить желание, галлюцинаторное исполнение которого (1900) или, как позднее заметил Фрейд, «попытка исполнения желания» (1925), и является механизмом формирования сновидения.

Явное содержание сновидения формируется в результате действия следующих описанных З. Фрейдом механизмов: сгущение, смещение, образительность (образность), использование символов, вторичная переработка. Толкование сновидений есть дешифровка явного содержания сновидения и обнаружения того самого вытесненного желания.